

Пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека

Е. К. Антонович

Для цитирования: Антонович Е. К. Пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 172–180. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.109>

В уголовном судопроизводстве уважение чести и достоинства личности рассматривается как один из основополагающих принципов, провозглашенных в ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В то же время принуждение представляется условием достижения целей уголовно-процессуальной деятельности. В работе на основании положений Конституции РФ, законодательства РФ, решений Конституционного суда РФ, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и правовых позиций Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) анализируются подходы к отграничению пыток от других форм жестокого обращения. Российская Федерация ратифицировала ряд международных договоров, направленных на защиту от пыток, отдельные положения этих договоров имплементированы в национальное законодательство. Однако понятие «пытка» и отличие пытки от других форм жестокого обращения в российском законодательстве не раскрыты, что затрудняет правильную оценку деяния. Конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляет абсолютный и безусловный запрет пыток. В то же время в ст. 3 она лишь разграничивает такие понятия, как «пытка», «бесчеловечное обращение или наказание» и «унижающее достоинство обращение или наказание». В связи с этим именно изучение решений ЕСПЧ позволяет приблизиться к пониманию указанных понятий. Анализируемые подходы ЕСПЧ не противоречат понятиям пытки и понятиям других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которые используются в тексте ряда международных актов. Проведенный анализ позволяет приблизиться к пониманию используемых в законодательстве и международных правовых актах понятий «жестокое обращение», «пытка», «бесчеловечное обращение или наказание», «унижающее человеческое достоинство обращение или наказание».

Ключевые слова: наказание, пытка, жестокое обращение, бесчеловечное обращение, унижение человеческого достоинства, уголовное судопроизводство, содержание под стражей.

Введение

Провозглашая в ст. 21 запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения или наказания, Конституция РФ¹ допускает возможность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность только в определенных ею целях и в предусмотренном законом порядке, с соблюдением общеправовых принципов и на основе конституционных критериев разумности и соразмерности, чтобы не было затронут само существо данного

¹ Здесь и далее нормативно-правовые акты, российская судебная практика и практика Европейского суда по правам человека приводятся по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2020).

Антонович Елена Константиновна — канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Российская Федерация, 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9; e.ant@inbox.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

права. Это возможно лишь при наличии достаточных оснований и при соблюдении баланса между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества. Ведь личность в своих взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов².

В уголовном судопроизводстве, с одной стороны, законодатель, рассматривая уважение чести и достоинства личности в качестве основополагающих основ, указывает на отдельный принцип уголовного судопроизводства³, а с другой — принуждение является необходимым условием для осуществления уголовно-процессуальной деятельности и эффективного достижения ее целей⁴.

В юридической литературе исследовались проблемы соотношения состязательности и обвинительного уклона⁵, в связи с чем особое значение приобретает законодательная регламентация механизма защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений. Так, предусмотрены гарантии признания недопустимыми доказательств, полученных посредством нарушения прав участников уголовного судопроизводства⁶, уголовная ответственность за принуждение к даче показаний⁷, право на компенсацию морального вреда⁸ в результате незаконного уголовного преследования или незаконного заключения. В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда, в постановлениях Пленума Верховного суда РФ⁹ даны соответствующие разъяснения.

² См., напр.: Постановление Конституционного суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна».

³ Вопросы значения и содержания принципа уважения чести и достоинства, его места в системе принципов российского уголовного судопроизводства рассматривались в: *Вилкова Т. Ю.*: 1) Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 94–119; 2) Принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // *Адвокатская практика*. 2015. № 5. С. 6–12; 3) Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы. М.: Юрайт, 2017. С. 116–117; *Умнова И. А., Стальнова А. С.* Конституционный принцип уважения достоинства человека: общие подходы в правопонимании и российская конституционная практика // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 15–20.

⁴ Отдельные проблемы допустимости принуждения на различных стадиях уголовного судопроизводства исследовались в: *Писарев А. В.* Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2002; *Данилова Н. А., Николаева Т. Г.* К вопросу о допустимости принуждения на стадии возбуждения уголовного дела // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2014. № 6. С. 73–77; *Цховребова И. А.* Физическое принуждение как самостоятельная мера процессуального принуждения // *Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы*: в 2 ч. Ч. 2. М.: Академия управления Министерства внутренних дел РФ, 2014. С. 325; *Смолькова И. В.* Допустимо ли принуждение при производстве освидетельствования в российском уголовном судопроизводстве? // *Уголовное право*. 2018. № 3. С. 122–128.

⁵ См., напр.: *Воскобитова Л. А.* Состязательность и обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве // *Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности*. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013. С. 17–24.

⁶ См. п. 1 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее — УПК РФ).

⁷ См. ст. 302 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее — УК РФ).

⁸ См. ст. 1099 Гражданского кодекса РФ (части второй) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.

⁹ Постановления Пленума Верховного суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»; от 29.11.2011 № 17 «О практике при-

Как показывает анализ правоприменительной практики, основаниями для обращения за защитой в суд являются незаконные действия компетентных органов и должностных лиц при принятии решения о производстве привода и применении физической силы в ходе его производства, физические или нравственные страдания, которые обусловлены незаконным прилюдным задержанием¹⁰ и незаконным избранием либо продлением сроков заключения под стражей¹¹, а также нарушением условий содержания под стражей¹². После принятия решения Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) относительно использования металлических клеток в залах судебных заседаний¹³ увеличилось количество исков осужденных о компенсации морального вреда.

Российская Федерация ратифицировала ряд международных договоров, направленных на защиту от пыток¹⁴, отдельные положения которых имплементированы в национальное законодательство. Между тем понятие «пытка» и его отличие от других форм жестокого обращения в российском законодательстве не раскрываются¹⁵, что затрудняет правильную оценку деяния.

1. Разграничение понятий в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и в прецедентной практике Европейского суда по правам человека

Являясь участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее — Конвенция), Российская Федерация признает юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае их предполагаемого нарушения¹⁶. Поэтому применение Конвенции следует осуществлять с учетом прецедентной практики ЕСПЧ¹⁷, анализ которой позволяет сделать ряд важных выводов.

Статья 3 Конвенции закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократических обществ: полный запрет пыток и бесчеловечного и унижающего

мнения судами норм гл. 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

¹⁰ См., напр.: Решение Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 11.07.2014 по делу № 2-1233/2014-М-1035/2014.

¹¹ См. напр.: Решения Белогорского городского суда Амурской области от 14.01.2016 по делу № 2-43/2016(2-3061/2015;)-М-3161/2015; от 12.10.2015 по делу № 2-4/2015(2-1235/2014;)-М-845/1.

¹² См., напр.: Апелляционное определение Новгородского областного суда от 14.02.2018 по делу № 2-3066-33-349/2018; Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 22.06.2016 по делу № 2-3635/2016-М-1634/2016.

¹³ См., напр.: Постановления ЕСПЧ от 27.01.2009 по делу «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии» (жалоба № 1704/06), § 102; от 15.06.2010 по делу «Ашот Харутюнян против Армении» (жалоба № 34334/04), § 128–129; от 26.06.2012 по делу «Пирузян против Армении» (жалоба № 33376/07), § 73–74. — Для Российской Федерации определенным сигналом стало дело «Свинаренко и Сляднев против России» в 2014 г. (Постановление ЕСПЧ от 17.07.2014 по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (жалобы № 32541/08, 43441/08)), в котором было установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с содержанием заявителей в зале суда в ходе судебного заседания.

¹⁴ В частности, ратифицированы Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания от 26.11.1987.

¹⁵ Исключение — примечание к ст. 117 УК РФ.

¹⁶ См. ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

¹⁷ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ».

достоинство обращения или наказания, причем независимо от обстоятельств и поведения потерпевших¹⁸, а также мотивации органов власти¹⁹. Не допускается никаких исключений или оправдывающих факторов, уравнивания интересов независимо от поведения лица и характера преступления²⁰, даже таких, как борьба с терроризмом и организованной преступностью²¹ и обстоятельства, когда жизнь человека находится в опасности, даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации²².

Кроме того, хотя Конвенция в ст. 3 только разграничивает такие понятия, как «пытки», «бесчеловечное обращение или наказание» и «унижающее достоинство обращение или наказание», анализ решений ЕСПЧ позволяет приблизиться к их пониманию.

Для отнесения к сфере действия ст. 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости, оценка которого зависит от всех обстоятельств дела, таких как: длительность обращения²³; физические последствия²⁴ (физические страдания²⁵, реальность телесных повреждений²⁶); психологические последствия²⁷ (психологические страдания²⁸); в некоторых случаях — пол, возраст и состояние здоровья жертвы²⁹; способ и метод обращения³⁰. Оценка этого минимума относительна³¹, т. е. требует рассмотрения каждого конкретного случая³² с учетом всех обстоятельств дела. Другими словами, если в конкретном случае ЕСПЧ не установит минимальный уровень жестокости, то это вовсе не означает что в иной, схожей ситуации такой уровень жестокости установлен также не будет.

¹⁸ См., напр.: Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 06.04.2000 по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) (жалоба № 26772/95); Постановления ЕСПЧ от 15.11.1996 по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) (жалоба № 22414/93); от 23.08.2016 по делу «J. K. и другие (*J. K. and Others*) против Швеции» (жалоба № 59166/12).

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 01.06.2010 по делу «Гэфген Гэфген (*Gäfgen*) против Германии» (жалоба № 22978/05).

²⁰ Там же.

²¹ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 06.04.2000 по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) (жалоба № 26772/95).

²² Постановление ЕСПЧ от 01.06.2010 «Гэфген (*Gäfgen*) против Германии» (жалоба № 22978/05); Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94; Постановление ЕСПЧ от 28.10.1998 по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*) (жалоба № 24760/94).

²³ См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 по делу «Вербинц против Румынии» (жалоба № 7842/04).

²⁴ Там же.

²⁵ Постановление ЕСПЧ от 29.04.2020 по делу «Претти против Соединенного Королевства» (*Pretty v. United Kingdom*), жалоба № 2346/02, ЕCHR 2002-III, § 52.

²⁶ Там же.

²⁷ Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 по делу «Вербинц против Румынии» (жалоба № 7842/04)

²⁸ Постановление ЕСПЧ от 01.09.2016 по делу «Веннер (*Wenner*) против Германии» (жалоба № 62303/13); Постановление ЕСПЧ от 30.11.2017 «Климов (*Klimov*) против Российской Федерации» (жалоба № 54436/14).

²⁹ См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 по делу «Вербинц против Румынии» (жалоба № 7842/04).

³⁰ Постановление ЕСПЧ от 24.05.2016 по делу «Макшаков (*Makshakov*) против Российской Федерации» (жалоба № 52526/07).

³¹ Постановление ЕСПЧ от 24.05.2016 по делу «Манжос (*Manzhos*) против Российской Федерации» (жалоба № 64752/09).

³² Постановления ЕСПЧ от 27.06.2006 по делу «Авси и другие против Турции» (*Avci and Others v. Turkey*) (жалоба № 70417/01); от 24.05.2007 по делу «Городничев (*Gorodnitchev*) против Российской Федерации» (жалоба № 52058/99).

ЕСПЧ выявил и признаки «бесчеловечного обращения и наказания»: оно осуществляется преднамеренно, происходит «беспрерывно часами», приводит к телесным повреждениям или к сильным физическим или психологическим страданиям³³. Но даже в отсутствие этих обстоятельств, когда обращение унижает или оскорбляет человека, такое обращение свидетельствует о неуважении к его/ее человеческому достоинству, или умаляет их, или вызывает чувства страха, боли либо неполноценности, которые способны сломить моральное и физическое сопротивление лица; такое обращение может также быть названо унижающим достоинство и, соответственно, подпадать под действие ст. 3 Конвенции³⁴.

Чтобы выяснить, являлось ли обращение «унижающим человеческое достоинство», ЕСПЧ должен установить, имелась ли цель оскорбить и унижить заявителя³⁵, и затрагивала ли рассматриваемая в связи с этим мера личность подсудимого несовместимым со ст. 3 Конвенции способом³⁶. Однако и отсутствие такой цели не может окончательно исключить установление нарушения этой статьи Конвенции³⁷.

Общественный характер наказания или обращения тоже может быть существенным обстоятельством. Вместе с тем отсутствие публичности не обязательно препятствует тому, чтобы определенное наказание подпадало под эту категорию. Достаточно унижения жертвы в собственных глазах, хотя наказание не выносилось публично³⁸.

Унижающие достоинство обращение или наказание не всегда свидетельствуют о наличии пыток в отношении лица, а пытки, бесчеловечное обращение, как правило, влекут и унижение человеческого достоинства. Различие между пыткой и другими формами дурного обращения вытекает в первую очередь из тяжести причиненного страдания. В одном из решений ЕСПЧ обратил внимание на то, что пытка составляет отягченное и преднамеренное бесчеловечное обращение, являющееся причиной серьезных страданий³⁹, в другом — что это различие было закреплено в Конвенции для того, чтобы особая стигма «пытка» применялась только к умышленному бесчеловечному обращению, причиняющему серьезные и жестокие страдания⁴⁰.

³³ См., напр.: Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 26.10.2000 по делу «Кудла против Польши» (жалоба № 30210/96).

³⁴ Постановления ЕСПЧ от 29.04.2002 по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. United Kingdom) (жалоба № 2346/02), ECHR 2002-III, § 52; от 26.10.2000 по делу «Кудла (Kudła) против Польши» (жалоба № 30210/96), § 92; от 10.07.2001 по делу «Прайс против Соединенного Королевства» (Price v. the United Kingdom) (жалоба № 33394/96), § 24–30, ECHR 2001-VII; от 24.07.2001 по делу «Валашинас против Литвы» (жалоба № 44558/98), § 117, ECHR 2001-VIII.

³⁵ Постановление ЕСПЧ от 17.05.1995 по делу «Пирс против Греции» (Peers v. Greece), (жалоба № 28524/95), § 67–68, 74, ECHR 2001 III.

³⁶ Постановление ЕСПЧ от 16.12.1997 по делу «Ранинен против Финляндии» (Raninen v. Finland) (жалоба № 152/1996/771/972).

³⁷ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 16.12.1999 по делу «В. против Соединенного Королевства» (V. v. United Kingdom) (жалоба № 24888/94), ECHR 1999-IX.

³⁸ Постановления ЕСПЧ от 25.04.1978 по делу «Тайгер» (Tuger) (жалоба № 5856/72), п. 16, § 32; от 09.10.1979 по делу «Д. Г. против Ирландии» (D. G. v. Ireland) (жалоба № 6289/73).

³⁹ См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 18.01.1978 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (жалоба № 5310/71), § 167; от 07.11.2013 по делу «Белоусов (Belousov) против Украины» (жалоба № 4494/07), § 66.

⁴⁰ См., напр.: Постановления ЕСПЧ от 18.01.1978 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (жалоба № 5310/71); от 25.09.1997 по делу «Айдын (Aydin) против Турции» (жалоба № 23178/94); от 29.01.2009 по делу «Антропов (Antropov) против Российской Федерации» (жалоба № 22107/03).

При рассмотрении одного из дел было установлено, что жестокое обращение, причинившее такие тяжелые психические и физические страдания, привело к попытке самоубийства, результатом которой стала общая постоянная физическая инвалидность⁴¹. Цель получения признательных показаний и наступившая инвалидность (как последствие причиненных страданий) оказались в данном случае определяющими при выявлении наличия пытки.

Как известно, наиболее строгая из всех мер пресечения — содержание под стражей. Недаром так много обращений связано именно с ее избранием и применением, а также с задержанием лиц.

Европейский комитет против пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее — ЕКПП) придает особое значение трем правам лиц, задержанных полицией: праву информировать о факте своего задержания третье лицо по своему усмотрению (члена семьи, друга, консульство), праву доступа к адвокату; праву требовать медицинского осмотра врачом по своему усмотрению (в дополнение к любому медицинскому осмотру, проведенному врачом, вызванным полицейскими властями). Эти права, по мнению ЕКПП, являются тремя основными гарантиями против жестокого обращения с задержанными лицами, которые следует применять с самого момента лишения свободы, независимо от его названия в данной правовой системе (задержание, арест и т. д.)⁴².

По мнению ЕСПЧ, применение содержания под стражей возможно при следующих условиях: совместимость с уважением человеческого достоинства; использование таких способа и метода исполнения этой меры, которые не подвергали бы задержанного страданиям и трудностям, превышающим неизбежный уровень, присущий содержанию под стражей; адекватная защита здоровья и благополучия лица с учетом практических требований заключения⁴³.

К унижающим достоинство условиям могут быть отнесены: недостаточность личного пространства в местах предварительного заключения, отсутствие возможности прогулок на открытом воздухе, естественного освещения и проветривания, надлежащего отопления.

Например, условия перевозки лиц, заключенных под стражу, в фургонах с двумя внутренними отсеками площадью 3 м² каждый, предназначенных для перевозки 24 заключенных, признаны недопустимыми для длительных поездок. Отрицательное воздействие указанных условий увеличивалось пропорционально длительности поездок, продолжавшихся в рассматриваемом деле до четырех часов, поэтому было признано, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение ст. 3 Конвенции во время перевозки в здание суда и обратно⁴⁴.

Подчеркивая недопустимость причинения лишения и страдания лицу в большей степени, чем уровень страданий, неизбежный при лишении свободы⁴⁵, ЕСПЧ отметил, что действие ст. 3 Конвенции не распространяется на случаи при-

⁴¹ Постановление ЕСПЧ от 26.01.2006 по делу «Михеев против Российской Федерации», (жалоба № 77617/01).

⁴² Постановление ЕСПЧ от 09.02.2016 г. по делу «Шлычков (Shlychkov) против Российской Федерации» (жалоба № 40852/05).

⁴³ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 26.10.2000 по делу «Кудла против Польши» (v. Poland) (жалоба № 30210/96); Постановление ЕСПЧ от 13.07.2006 по делу «Попов против Российской Федерации» (Povov v. Russia) (жалоба № 26853/04).

⁴⁴ Постановление ЕСПЧ от 22.09.2015 по делу «Илькин против Российской Федерации» (жалоба № 12436/11).

⁴⁵ Постановления ЕСПЧ от 28.10.1998 по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (жалоба № 90/1997/874/1086), Reports of Judgments and Decisions 1998-VIII; от 19.02.2015 по делу «Джаббаров против Российской Федерации» (жалоба № 29926/08).

менения силы в ходе задержания, даже если оно повлекло за собой причинение повреждений, когда необходимость применения силы следовала из поведения задержанного⁴⁶. Например, при применении наручников важно выяснить, можно ли было предположить, что задерживаемый окажет сопротивление при задержании или будет пытаться бежать, причинит телесные повреждения или ущерб или уничтожит доказательства⁴⁷. Если же лицо заключили под стражу в хорошем состоянии здоровья, а при освобождении у него обнаруживаются телесные повреждения, должны быть правдоподобные объяснения этому. Отсутствие таких объяснений свидетельствует о нарушении ст. 3 Конвенции⁴⁸. При этом не имеет значения непосредственное место получения травмы, важно, что в данное время лицо находилось в компетентном органе.

Хотя ст. 3 Конвенции и не требует освобождения заключенного «по мотивам сострадания», для ЕСПЧ требование охранять благополучие и здоровье заключенных рассматривается как обязательство государства-ответчика обеспечить заключенных «адекватной» медицинской помощью⁴⁹. С одной стороны, власти должны продемонстрировать создание всех необходимых условий, чтобы назначенное лечение было действительно тщательным⁵⁰ и надлежащим, т. е. на том уровне, которое государство обязалось само обеспечивать для своего населения в целом⁵¹. С другой стороны, это не означает, что заключенному должен гарантироваться тот же уровень помощи, который доступен в лучших медицинских учреждениях за пределами исполнительной системы⁵².

2. Выводы, формулируемые на основе анализа автономных понятий конвенционного регулирования запрета пыток и иных форм жестокого обращения с учетом практики Европейского суда по правам человека

Рассмотренные подходы практики ЕСПЧ в целом коррелируют исследованным понятиям пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, используемым в тексте ряда международных актов, и позволяют сделать следующие выводы.

Жестокое обращение может проявляться как в форме пытки, так и в форме бесчеловечного обращения или наказания либо в форме унижающего человеческое достоинство обращения или наказания.

Пытка — такое умышленное бесчеловечное обращение, которое: причиняет серьезные и жестокие физические или психологические страдания, обусловленные стремлением заставить лицо совершить те или иные действия (например,

⁴⁶ Постановление ЕСПЧ от 22.09.1993 по делу «Клаас против Германии» (жалоба № 15473/89).

⁴⁷ Постановление ЕСПЧ от 22.06.2006 по делу «Казакова против Болгарии» (Kazakova v. Bulgaria) (жалоба № 55061/00), § 51; и др.

⁴⁸ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 28.07.1999 по делу «Сельмуни против Франции» (жалоба № 25803/94), § 87, ECHR 1999-V; Постановление ЕСПЧ от 12.11.2015 по делу «Захарин и другие против Российской Федерации» (жалоба № 22458/04).

⁴⁹ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 26.10.2000 по делу «Кудла против Польши» (жалоба № 30210/96); Постановление ЕСПЧ от 26.10.2006 по делу «Худобин против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00); и др.

⁵⁰ Постановление ЕСПЧ от 29.11.2007 по делу «Хумматов против Азербайджана» (жалоба № 13413/04).

⁵¹ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 23.03.2016 по делу «Блохин против Российской Федерации» (жалоба № 47152/06).

⁵² Там же; Постановление ЕСПЧ от 07.02.2012 по делу «Кара-Дамиани против Италии» (жалоба № 2447/05).

дать признательные показания) либо воздержаться от их совершения; происходит, как правило, на протяжении непродолжительного времени.

Бесчеловечное обращение или наказание — такое умышленное обращение или наказание, которое привело к причинению лицу телесных повреждений либо к сильным физическим или психологическим страданиям без какой-либо цели, происходящее, как правило, на протяжении длительного времени.

Унижающее человеческое достоинство обращение или наказание — не всегда связанное с умыслом лица, его осуществляющего, обращение или наказание, которое унижает или оскорбляет человека, свидетельствует о неуважении к его/ее человеческому достоинству, или умаляет их, или вызывает чувства страха, боли либо неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление лица.

Заключение

Анализ автономных понятий конвенционного регулирования запрета пыток и иных форм жестокого обращения представляет интерес не только с позиции приближения понимания используемых в Конвенции терминов. Изучение и систематизация рассмотренных подходов ЕСПЧ важны прежде всего для использования этих подходов при обосновании законотворческих инициатив, направленных на повышение эффективности правоприменительной деятельности.

В эпоху цифровизации сказанное приобретает особый интерес для совершенствования законодательства (в частности, при рассмотрении вопросов об использовании видеоконференцсвязи для производства допроса и о применении так называемых клеток для лиц, содержащихся под стражей и пребывающих в зале судебных заседаний). Полагаем, что при наличии определенных оснований использование дистанционных допросов участников уголовного судопроизводства могло бы стать гарантией предотвращения указанных опасных проявлений.

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2019 г.;
рекомендована в печать 31 января 2020 г.

Torture and other forms of ill-treatment in criminal cases of the European Court of Human Rights

Elena K. Antonovich

For citation: Antonovich, Elena K. 2019. Torture and other forms of ill-treatment in criminal cases of the European Court of Human Rights. *Pravovedenie* 63 (1): 172–180. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.109> (In Russian)

In criminal proceedings, respect for the honor and dignity of the individual is considered as one of the fundamental principles of criminal proceedings, proclaimed as such in a separate article of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. At the same time, coercion is represented by the condition of attaining the objectives of criminal procedural activities. Based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the legislation of the Russian Federation, the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the provisions of international legal acts, first of all, the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950, and the legal positions of the European Court of human rights, approaches to the distinction between the concept of “torture” and other forms of ill-treatment are analyzed. The Russian Federation has ratified a number of international treaties aimed at protecting against torture, some of which have been implemented in national legislation. However, the concept of “torture” and the difference between torture and other forms

of ill-treatment are not disclosed in Russian legislation. This makes it difficult to assess the act correctly. Attention is drawn to the fact that the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November, 1950 strengthens the absolute and unconditional prohibition of torture. At the same time, the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950 article 3 merely distinguishes between “torture”, “inhuman treatment or punishment” and “degrading treatment or punishment”. In this regard, it is the analysis of the decisions of the European Court of Human Rights that allows us to get closer to their understanding. The analyzed approaches of the European Court of Human Rights do not contradict the concepts of “torture” and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, which are used in the text of a number of international acts. The analysis allows us to further understand such concepts as “cruel treatment”, “torture”, “inhuman treatment or punishment”, “degrading treatment or punishment” used in legislation and international legal acts. However, the author does not set as his goal an analysis of the criminal law aspects of the problem under consideration.

Keywords: punishment, torture, cruel treatment, inhuman treatment, degrading treatment, criminal proceedings, detention.

References

- Danilova, Natal'ia A., Nikolaeva, Tat'iana G. 2014. On the question of the admissibility of coercion at the stage of criminal proceedings. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* 6: 73–77. (In Russian)
- Pisarev, Aleksandr V. 2002. *Production of investigative actions that restrict the right of citizens to personal integrity*. PhD in Law thesis. Omsk, Omskaia akademiia MVD Rossii Publ. (In Russian)
- Smol'kova, Iraida A. 2018. Is it permissible to use coercion in the course of examination in Russian criminal proceedings? *Ugolovnoe pravo* 3: 122–128. (In Russian)
- Tskhovrebova, Ilona. 2014. Physical coercion as an independent measure of procedural coercion. *Dopros: protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy* 2: 317–327. Moscow, Akademiia upravleniia Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii Publ. (In Russian)
- Umnova, Irina, Stal'nova, Anastasi'a S. 2016. The constitutional principle of respect for human dignity: General approaches to legal understanding and Russian constitutional practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* 10: 15–20. (In Russian)
- Vilkova, Tat'iana Iu. 2015. *Principles of criminal proceedings in Russia: legal basis, content, guarantees*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Vilkova, Tat'iana Iu. 2015. The principle of respect for the honor and dignity of the individual in criminal proceedings: legal basis, content, guarantees. *Advokatskaia praktika* 5: 6–12. (In Russian)
- Vilkova, Tat'iana Iu. 2017. *The principle of presumption of innocence: history, modernity, prospects*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Voskobitova, Lidia A. 2013. Adversarial and accusatory bias in criminal proceedings. *Sovremennye problemy razvitiia ugovnogo protsessa, kriminalistiki, operativno-rozysknoi deiatel'nosti*: 17–24. Moscow, Akademiia General'noi prokuratury RF Publ. (In Russian)

Received: April 14, 2019

Accepted: January 31, 2020

Elena K. Antonovich — PhD in Law, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation; e.ant@inbox.ru